

КАЛЕНДАРЬ «СМ»

Сегодня Алексею Николаевичу АРБУЗОВУ исполнилось бы 80 лет. Мы предлагаем вниманию читателей отрывок из воспоминаний главного режиссера рижского ТЮЗа Адольфа ШАПИРО. Они войдут в сборник воспоминаний о замечательном советском драматурге, который будет издан в 1989 году в Москве.

Помню, как впервые услышал о нем. В детстве. Когда родители возвращались из очередного похода в театр, на вопрос друзей — как спектакль? — часто следовал ответ: «Ничего. Но, конечно, не «Таня».

В 65-м я ставил «Мой бедный Марат». Это хорошая пьеса. Три человека три акта пытаются уяснить свои отношения, а сколько там о времени, о жизни нашей. Алексей Николаевич умел складывать пьесы, порой даже слишком обнаруживая свое умение, но в «Марате» арбузовское ремесло озаряется истинной поэтичностью. В пьесе непреходящая жажда взаимопонимания, боль.

«МАРАТ (сосредоточенно). Не могу забыть один день — первомайский парад в тридцать четвертом. Мне было девять лет, рядом шел отец в новеньком кителе, он крепко держал мою руку, а на трибуне стоял Киров и улыбался... (страстно). Если бы все могло остаться неизменным!

то металл, то бархат: «На обеде присутствовали товарищи Сталин, Молотов, Маленков, Каганович, Берия»; «Сегодня осуществлен запуск первого искусственно-го...»; «Промышленность начала производство новых протезов для инвалидов» и так далее. Третий акт начинался сообщением о посещении Хрущевым Львовского автомобильного завода, где он давал рекомендации строить более высокие дома — «крыша ведь все равно одна и фундамент один». Перечень имен, событий и фраз. Я готов отстаивать его от Арбузова до конца. Мне было полных двадцать шесть, — как сказал бы Арбузов, ничтожное количество лет. Я был серьезен, и меня —стораживало в нем все —франтоватый костюм и какое-то легкомыслие, с которым он устроился в зрительном зале, будто приехал развлекаться.

Боя не получилось. Он все принял. Когда же сказал, что больше всего беспокоен, чтобы остались слова Марата — «самое страшное для

«...НАШ БЕДНЫЙ АРБУЗОВ»

ЛЕОНИДИК. Ты наивный юноша середины тридцатых годов.. А мы видели сороковые.

ЛИКА. И, увы, понимали меньше, чем видели, мой бедный Марат.

МАРАТ (запальчиво). Почему ты называешь меня бедным?

ЛИКА. Потому что ты веришь в невозможное».

Хотелось привести только первые слова Марата, но реплики крепко сцеплены друг с другом, и трудно оборвать их вязь. В «Марате» много искусно переплетено — любовь, Ленинград, литература, блокада, тридцатые, сороковые. Недавно я прочитал процитированный текст младшему товарищу, и у него он не вызвал особого восхищения. Может быть, тональность этой пьесы лучше прослушивается людьми моего бедного поколения? — не знаю. Может быть. Меня в ней до сих пор волнуют чувственно осязаемое течение времени, непреложная зависимость людских судеб от гримас истории, иллюзии — утраченные и вновь приобретенные, схватки людей с самими собой и стук топора, вырубającego сад. Мне явно слышится — Гаев. «Помню, когда мне было шесть лет, в троицын день я сидел на этом окне и смотрел, как мой отец шел в церковь...»

На «Марате» состоялась моя встреча с Арбузовым. А откуда — потом «Город на заре», «Жестокое игры», «Победительница» и много памятных дней. Но могло случиться иначе. Началось с макета. Китаев придумал паутину искрящихся на свету тончайших лесок. Она давала нервный тон действию и чудесным образом соединялась с точными деталями времени (все заходившие в макетную ахали). Арбузов долго рассматривал. Очень долго. Молчал. Десять минут? Двадцать? Больше? Спокойный Китаев терял терпение. И вот драматург вякнул: «Вполне». Как я зол на него был! За макет, за себя, в первую очередь за Китаева. Он, кажется, почувствовал это, но не принял к сведению и не удосужился хоть что-то добавить. Наверняка считал, что «вполне» достаточно выражает его одобрение. Спустя время он замечательно говорил о китаевской работе, но в тот день я вполне негодовал.

Я был мало знаком с Арбузовым. Знал, что он под писал письмо в защиту моей театральной студии, незаконнорожденного дитяти 61-го года. «Новые театры открывать не политика», — объяснил мне хмырь из всесильного учреждения. То, что А. Н. шел вопреки «политике», внушало доверие. Тем более что делал он это охотно, с азартом, был одним из энтузиастов этой единственной тогда формы гласности. А тут это барствянное «вполне»...

Драматург писал из Ялты, хотел присутствовать на репетициях, но я оттягивал. Перед выпуском позвонили из Москвы. «К тебе Арбузов едет. Он может по-разному повести себя, ты, говорят, чего-то дописал?» Ничего не дописывал. Просто посмотрел в газетах, что происходило в дни, точно обозначенные в ремарках у А. Н. И ввел эту хроника между картинками. Диктор прибавлял в голосе

победителя — это унаследовать пороки побежденных», — которые где-то не проходят, мне стало легко: не ошибся в авторе.

С того времени мы, сдается, поверили друг другу. С годами — больше. А. Н. был внимателен к театру, я же научился прощать другим то, что прощал себе. А. Н. жевал резинки на репетиции, изрекал свои «вполне», шуршал карамельками на спектаклях, менял галстуки — все это не вызывало уже юношеского раздражения. Я оставлял это за скобками арбузовского существа. Впрочем, не исключено, что маленькие чудачества помогали Арбузову создавать свою маску — маску человека, которого не касаются большие чудачества окружающей среды. Многих это раздражало: не слишком ли удобная позиция для времени, в котором он жил? Но не стоит забывать, что казнили ведь не только за то, что сделал, но и за то, чего не сделал. А не делал Арбузов того, что впоследствии было прощено другим. Перелистайте старые издания его пьес, и вы в этом убедитесь. Его друг и товарищ писал о Мещере, о реках, о рыбной ловле. У Арбузова была своя Мещера. В ней обитали трогательные, нежные, чудачковатые люди, занятые поисками себя и душевной гармонии. В счастье печальные, в несчастье просветленные. Один раз А. Н. расстался с ними и сочинил «Европейскую хронику», о которой не любил вспоминать.

Арбузов не писал подлецов, двурушников, негодяев. Он игнорировал их, с ними ему было неинтересно. А. Н. почти всегда был верен своим героям и с идеализмом Марата пытался перебросить мосты из своего детства и юности в сегодня. Он был неисправимый оптимист, наш бедный Арбузов. «Даже за день до смерти не поздно начать жить сначала» — эти слова Марата, по-моему, самые личные из всех, которыми А. Н. наделил своих героев. Недаром вся фраза начинается с несколько пышной декларации «теперь я хочу верить вот во что...». И верил. Заставлял себя верить. И других уверял, что так хорошо.

Автора «Марата» упрекали в пацифизме, пессимизме, мелкотемье, в «отсутствии приговора незначительным людям» — в чем положено было упрекать в то время. Некоторые виноватые носили эти упреки как ордена, другие доказывали свою лояльность, третьи растрачивали энергию в бесконечных пересудах со знакомыми. Арбузов же демонстративно парил над гноем дней. Перестал слушать транзистор, директивные газеты, разворачивал как юмористические издания, анекдоты не рассказывал, выслушивал с безразличием. То, что всех волновало, его потешало. Возможно, он раньше нас знал ответ на вопрос, который задавал в финале «Марата». «Шестидесятые, что они несут нам?»

Адольф ШАПИРО, заслуженный деятель искусств Латв. ССР, главный режиссер Государственного ордена «Знак почета» ТЮЗа Латв. ССР им. Ленинского комсомола.